

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Уйти от себя...

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Уйти от себя... / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Даже и предположить не мог Александр Борисович Турецкий, что может стать причиной его разрыва с женой. Но так случилось, и он ушел – из дома, из Москвы, не представляя себе, в какие опасные, на грани смертельного риска, ситуации способна поставить его судьба...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	8
3	15
4	21
5	28
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фридрих Незнанский

Уйти от себя...

1

Поезд с грохотом несся по туннелю метро, в темных окнах мелькали огни. В час пик все торопились после рабочего дня поскорее добраться домой, поэтому в вагоны набились, как сельди в бочку. Турецкого ошалелая толпа внесла в вагон, он едва удержал в руках сумку и теперь даже не мог поставить ее на пол, так его сдавили со всех сторон. Похоже, народ чувствовал себя вполне комфортно, во всяком случае, никто не пытался отпихнуть соседей и завоевать себе чуточку больше пространства. Лысый затылок впереди стоящего мужика маячил перед глазами Турецкого. Жирные складки на его шее почему-то сильно раздражали Турецкого, но отодвинуться он не мог. Сзади подпирали и прижимали вплотную к лысому, приходилось терпеть. Не радовало даже смазливенькое личико юной красотки, которую придавили к противоположной стенке вагона как раз напротив него. Но даже в таком стесненном состоянии она умудрялась строить ему глазки, изображая на лице страдание и бросая красноречивые взгляды на своих соседей. Он слегка приподнял брови, выразив таким образом сочувствие, – девушка радостно улыбнулась. Наконец поезд остановился на его станции, и тут уж Турецкий смог отвести душу. Первым делом он бесцеремонно отпихнул лысого, затем растолкал пассажиров, которые бестолковой толпой перекрыли выход к открытой двери, и после немалых усилий вывалился на платформу. Вслед ему что-то рывкнул лысый, но Александру Борисовичу на него было уже наплевать. Он мечтал об одном – поскорее очутиться дома и смыть с себя уличную пыль, а вместе с ней и мрачное настроение, в котором пребывал последнюю неделю.

Турецкий все еще возился с ключом, открывая дверь, когда в кармане джинсовой куртки зазвонил мобильный. Довольно жизнерадостный голос Меркулова прервал тяжелые мысли Александра.

– Ну что, дело будете закрывать?

– Само собой. Криминала никакого не было, как мы и предполагали. Но подробности при встрече, ладно? А то я только приехал, еще дверь открываю. Устал, как собака. Вылет самолета в Праге на час задержали, поджидали каких-то придурков, которые в дьюти-фри застряли... В Шереметьево выстоял очередь, как за мясом в голодные годы, чтобы печать в паспорт шлепнули...

Он наконец открыл дверь и вошел в полутемную квартиру, все еще держа телефон у уха. Тяжелую дорожную сумку сбросил с плеча на пол и заглянул поочередно в пустые комнаты. Настроение испортилось еще больше.

– Как дома? – поинтересовался Меркулов, видимо, и не собираясь отключаться.

– Дома? Все нормально. – Турецкий криво усмехнулся. – Все как всегда... Иры нет. Впрочем, я другого и не ожидал.

– Ну почему «как всегда»? – попытался успокоить друга Меркулов. – Она, между прочим, спрашивала о тебе, волновалась. Ты, Саша, зря на нее бочку катишь.

– Говоришь – волновалась, спрашивала? Надо же, снизошла все-таки! И когда это она соизволила поинтересоваться моей особой? С чего вдруг такой интерес к мужу?

– Да вот вчера. Напрасно ты говоришь с таким сарказмом. Я в «Глорию» заехал, мы с Антоном обсуждали... – он не успел закончить фразу, как Турецкий нетерпеливо перебил его:

– Если вы с Антоном в «Глории» что-то обсуждали, как там моя жена оказалась? Что она делала в агентстве – скажи мне на милость? Уверен, когда ты зашел, она там уже была. Давно.

Меркулов уловил раздраженный тон Турецкого.

– Сань... Ты чего? Не сходи с ума, что тебе взбрело в голову?

– Теперь и ты меня считаешь параноиком? – Турецкий повысил голос, не в силах сдерживать свою досаду. Все они заодно, Ирку покрывают. Но он же не дурак и никогда не будет в роли обманутого мужа, о котором сочиняют анекдоты. Его неожиданно захлестнула такая волна ярости, что он чуть не заорал в трубку все, что думает о своих друзьях, защитниках его жены. Адвокаты хреновы! Небось из жалости к нему скрывают ее недостойное поведение.

– Сань, успокойся, я сам попросил Ирину заехать в «Глорию». Ради тебя, дурака, старался. Она же тоже на тебя злится, и есть за что, забыл? Уж в который раз объяснил ей ситуацию с Ольгой. Я ведь тебя покрываю, как мужик мужика. Мог бы и оценить мои усилия. Хочешь убедиться, позвони Плетневу. Спроси у него, как все было...

На Турецкого в нынешнем его состоянии имя Плетнева подействовало, как красная тряпка на быка.

– И позвоню! – с угрозой в голосе выпалил он. – Прямо сейчас. А потом спать завалюсь, раз никто меня не встречает... Никакого понимания! Муж неделю отсутствует, пашет, как папа Карло. Из чужой страны полдня домой добирается. Думал – вот приеду домой, меня жена ждет с ужином... А хрена. Жена вместо того, чтобы дома сидеть да законного супруга ждать, шляется где-то.

– Слушай, старик, мы же тебя сегодня не ждали. Кто тебя мог с ужином встречать? Ты ведь только завтра должен был вернуться, – примирительно стал объяснять Меркулов. – Кто же знал, что ты с делами раньше закончишь?

– Ну да, прямо сюжет для картины «Не ждали». Приезжает муж из командировки, а его не ждали. Хорошо хоть жену не застукал с другим. Во всяком случае, в непотребном виде она мне на глаза в собственной квартире не попала. Где-то в другом месте дожидается моего завтрашнего приезда... Все, отбой!

Он яростно нажал на кнопку, отключая телефон, и швырнул его на диван. Тот подпрыгнул и свалился на ковер. Александр даже не стал его поднимать. Возмущенно бормоча под нос, он начал срывать с себя одежду, расшвыривая ее по всей комнате, и с топотом отправился в ванную. Гнев застилал глаза, воображение рисовало безобразные картины измены жены, хотелось все крушить вокруг, и он поскорее залез в ванну, включив душ. Вода всегда действовала на него успокаивающе. «Сейчас помоюсь, немного остыну и позвоню. Я ей такое скажу!» Турецкий мстительно стал обдумывать обидные слова, которые он собирался выплеснуть на свою неверную жену. Вместо горячей воды из душа полилась ледяная. «Сволочи! Отключили! Все сволочи! Все против меня! Да, тут успокойсь! Ну и ладно. Чем хуже, тем лучше!»

Александр стоял под ледяным душем, гнев подступил уже к самому горлу, и он яростно стал тереть жесткой мочалкой тело, как будто собрался содрать с себя всю кожу. Быстро ополоснулся и вылез из ванны на коврик. Завернувшись в полотенце, босиком прошлепал в комнату, оставляя мокрые следы на паркете, и тяжело рухнул на диван. Взгляд упал на валяющийся под ногами телефон, и Турецкий с досадой задвинул его под журнальный столик. Взглянул на влажные отпечатки своих ног на ковре, потом уставился на телефонный аппарат на столике и, немного подумав, стал набирать номер телефона Плетнева. Трубку подняли сразу.

– Алло! Алло, слушаю! – Что и требовалось доказать. Ирина, конечно, торчала у Плетнева. Отвечать Саша не стал, напряженно вслушиваясь в ее голос и в тишину квартиры, где она сейчас находилась. – Вас не слышно! – Голос Ирины звучал оживленно, но ничего особенного он не услышал. А чего он, собственно, ожидал? Что она будет говорить с придыханием, скрытой страстью?

Турецкий резко положил трубку на рычаг. «Я вам покажу! Я вам такое устрою! Мало не покажется!»

Он вскочил с дивана и бросился к шкафу, рывком срывая с вешалки свежую сорочку и доставая джинсы. Взгляд отметил легкий слой пыли на полированной поверхности шкафа.

«Гады! Ну гады! Когда же она здесь была последний раз? Ни стыда, ни совести!» Он дрожащими от нетерпения руками застегивал пуговицы на рубашке, не попадая в петли, и от этого злился все больше. Джинсы натянул на все еще влажную кожу и стал яростно запихивать в них рубаху. Турецкий очень торопился. Когда был уже совсем готов к выходу, вместо того, чтобы идти к двери, он протопал к бару. Вытащил початую бутылку водки и налил себе стопочку. Как слону дробинка. Никаких ощущений. Выпил вторую. Хотелось, чтобы спиртное шибануло по мозгам и обожгло желудок, чтобы организм как-то отреагировал. Но почему-то его обиженный организм никак не хотел отзываться на шоковую терапию, которой Турецкий пытался его подвергнуть. Он не сдавался и налил еще водки. Стал пить ее медленно, стараясь получить удовольствие. Одновременно предвкушал, какое лицо будет у Ирины, когда она его увидит – нежданного мужа, который должен приехать завтра. А уж какое лицо будет у Антона! У Турецкого сжались кулаки. Он торопливо допил бутылку до дна, последнюю каплю слизал с горлышка языком и почувствовал, как внутри горит и разбухает огненный шар. Организм наконец начал реагировать. «Гремучая смесь гнева и ревности», – мелькнула почти поэтическая строка. Ирке бы понравилось... Она любит сильные метафорические образы.

Турецкий неверными шагами направился к двери, вспоминая, садился ли он когда-нибудь за руль в таком состоянии. Не припомнил. «Ну что ж, все когда-то делается впервые», – философски размышлял он, скользя рукой по перилам и шевеля губами. Мысли произносились вслух, хотя губы плохо слушались. Почему-то возникла необходимость пересчитывать ступеньки. Уже внизу он вспомнил, что мог бы спуститься и лифтом. А в машине, только с третьего раза попав ключом в замок зажигания, раньше он что-то не замечал, что он такой кривой, лениво подумал – насколько проще было бы поехать в метро. Но там бывают злые тетki, которые стоят у турникета и могут не пустить сильно выпившего человека. О том, что он сильно выпил, мысль пришла с запозданием, когда, вырывая из двора, он зацепил колесом за бордюр. Машину встряхнуло, что-то заскрежетало. Ну и хрен с ним. Будет ехать медленно и осторожно. Главное, не расплескать гремучую смесь гнева и ревности и довести ее до Медведково. Где в квартире Плетнева торчит жена Ирина, и голос у нее оживленный, словно ее ждут незнамо какие радости. Ничего, он им кайф обломает! Турецкий вел машину на автопилоте, но ряда держался. Машины ползли, как на похоронах. Пробки на дорогах все еще не рассосались. В пятницу вечером вся Москва отправлялась на дачи. Народ ехал отдыхать, а Турецкий, сидя за рулем, вынашивал планы страшной мести и посылал проклятия в адрес всех, кто попадался ему на глаза. Водители как сговорились: ползли плотными рядами и не оставляли ни малейшего просвета, чтобы он мог вклиниться и обогнать этих козлов.

2

Ирина нетерпеливо поглядывала на большие настенные часы в виде корабельного штурвала. Предвкушая приятное путешествие за город, она отхлебывала маленькими глотками горячий чай. Пить совсем не хотелось, но надо было как-то убить время. Катя что-то совсем застряла. Она и так никогда не отличалась особой пунктуальностью, а сегодня и вовсе побила все свои рекорды. Антон одним глазом смотрел на экран телевизора, а вторым косился на Ирину. Оба молчали, делая вид, что слушают программу новостей.

– Что-то Катя задерживается, – наконец подала голос Ирина. – Не случилось ли чего?

– А сейчас кто звонил? – Плетнев вышел из кухни и слышал телефонный звонок. Но раз Ира его не позвала, понял, что звонили ей.

– Думаю, она, но почему-то ничего не слышно, – задумчиво ответила Ирина.

– Может, телефон вне зоны действия?

– Но ведь не в метро же она! Наверное, у кого-то из нас связь не сработала. То МТС барахлит, то Билайн. Ни на кого надеяться нельзя.

– У меня приятель по этому случаю всегда два телефона таскает, пользуется услугами обеих компаний. На даче у него лучше МТС принимает, в городе – Билайн. Представляешь, в прошлом году к нему приезжаю на денек, оторваться в кои веки, а тут надо было Меркулову позвонить. А друг мне говорит: «Вон за тем деревом связь лучше. А если не лень, иди по этой дороге в поле, минут десять пройдешь, там связь еще лучше». Они всем поселком уже определили, откуда звонить можно, в поле даже табличку воткнули – «МТС». А до этого носились со своими телефонами, как саперы с миноискателями. Шаг вправо, шаг влево – связь терялась.

– Может, там какие-то магнитные волны? – со знанием дела предположила Ирина.

Плетнев рассмеялся:

– Да, с физикой у тебя все в порядке. А они-то гадают, в чем дело. Надо им объяснить. В следующий раз возьму тебя с собой, прочитаешь населению популярную лекцию. Это дачный поселок работников студии «Мультфильм». О магнитных волнах, думаю, у них весьма скудные представления. Возможно, даже хуже, чем у тебя.

Ирина не успела обидеться, потому что ее мобильный разразился звуками бравурного марша. Плетнев вздрогнул от неожиданности.

– Всегда пугаюсь. Никак не могу привыкнуть к твоей новой музыке. Прямо мертвого поднимет! – укоризненно взглянул он на Ирину. Но она уже не слушала его.

– Алло, Катя! Наконец-то прозвонилась. Не знаю уж, чья тут связь виновата. Это ты звонила сейчас на городской телефон?

– Нет, не я!.. – заорала в трубку Катя.

– А я думала – ты, минут десять назад. Уже грешила на твой телефон.

– Минут десять назад я еще кое-как ползла в пробке. А сейчас застряли напрочь. Поэтому и звоню. Предупреждаю, чтобы не волновались и не позасыпали случайно. Мужик из машины впереди выходил посмотреть, что там случилось, – стала докладывать обстановку на дороге подруга. – Постоял, посмотрел, опять сел в машину. Теперь включил верхний свет, книжку читает. Значит, надолго застряли. Вижу, девица в соседнем ряду термос открыла, ложкой что-то зачерпывает, лопает. Ой, как я есть хочу! – пожаловалась Катя.

– Думаешь, надолго застряли? И так уже за окном темнеет. Когда же ты заявишься?

– А вы барахло собрали? Тогда сидите и чай пейте да меня вспоминайте, какая я тут бедная да голодная. – У бедной и голодной Кати голос между тем был веселый и жизнерадостный.

– А ты разве ничего с собой не взяла? – удивилась Ирина, которая знала за подругой замечательное качество – если предстояла вылазка за город на два дня, та запасалась едой на неделю.

– Еды полный багажник. Только я выходить боюсь. Вдруг машины поедут, все задние будут мне сигналить и матом крыть. Это меня тогда совсем деморализует. Я еще, чего доброго, разнервничаюсь и мотор с ходу не заведу. Лучше потерплю, у меня тут пакетик жевательной резинки валяется.

– А ты их сама пошли куда подальше, – посоветовала опытная Ирина, которая с возрастом наконец научилась давать хамам отпор и делала это с большим удовольствием. «Тебя хлебом не корми – дай поскандалить!» – смущался Турецкий, когда Ирина при нем затевала скандал с недобросовестным продавцом или трамвайным хамом. «А я за справедливость!» – парировала обычно Ирина, срамя очередного невежу и в заключение уничтожая его гневным взглядом.

– Но с другой стороны, если минут через сорок приеду, тоже неплохо. Пока ваше добро загрузим, пока рассядемся, еще время пройдет. А после двенадцати ехать удобно, машин на дорогах почти не будет. Долетим до дачи за час, красота! Люблю ночью ездить, никто не мешает, – оптимистично закончила свою речь Катя.

– Вот еще новости – после двенадцати! – огорчилась Ирина. – Ну ладно, ешь свою жевательную резинку, только не глотай с голодухи. А мы тебя будем ждать... Елки-палки, еще сорок минут! И это в лучшем случае!

Ирина выключила мобильник и с огорченным видом отхлебнула из своей чашки уже совсем остывший чай. Антон с интересом прислушивался к репликам Ирины, после последних ее слов погрузнел.

– Ира... тебе что, так неприятно со мной еще сорок минут посидеть? – обиженно спросил он.

– Антош, не говори ерунды. Все нормально. Просто я устала. И так день напряженный выдался, мечтала поскорее до дачи добраться, расслабиться, отдохнуть наконец. А тут жди и жди. Терпеть не могу ждать. Утомляет меня это. Нервная становлюсь! – призналась она.

Антон смущенно поерзал на стуле.

– Я не так выразился. Не то чтобы неприятно, наверное – неловко, да?

Повисла пауза, и Антон понял, что Ирина подбирает слова, чтобы не обидеть его.

– Плетнев, кто из нас психолог? По-моему, сейчас ты. Если ты настаиваешь и хочешь знать правду, то действительно, немного неловко... Без Васи неловко.

Она замолчала, делая вид, что внимательно слушает передачу о перспективах развития нефтяного рынка. Экономический обозреватель просвещал на ночь глядя телезрителей и нашел в Ирине благодарную слушательницу. Антон с виноватым тоном стал оправдываться:

– Ну, захотелось парню приятное сделать. Он заслужил. Притом с семьей Воронцовых я давно знаком, Вася дружит с их Сережкой. Почему было не отпустить с ними на два дня в Ватутинку? У них там сад большой, речка рядом. Собирались рыбу поудить...

– Да кто ж возражает? Просто нужно было меня предупредить. Но даже не в этом дело. У меня, кстати, семейные проблемы. Если ты этого еще не понял. С Сашкой уже пятый день не разговариваем. Как уехал неизвестно куда, хоть бы раз позвонил. – Она расстроено вздохнула.

– Как – неизвестно куда? Прекрасно знаешь, что он в Праге, заканчивает расследование. Между прочим, не в худшее место отбыл. Я бы и сам не прочь прогуляться по улочкам Праги. Завтра прилетит, так что все нормально. Ваша семья воссоединится, будете жить-поживать да добра наживать.

Ирина подняла глаза на Антона и с нажимом сказала:

– Ничего нормального не вижу. И даже не пытайся меня переубедить. Наши отношения с ним зашли в тупик. Ну, прилетит он завтра – и что? Я даже не представляю, в каком настроении он будет. Вернее, догадываюсь. Фиговое у него будет настроение. Думаешь, приятно? А гораздо хуже то, что я думаю: если бы мы с ним расстались, это было бы самое правильное решение. Но вся беда в том, что расстаться с ним я вряд ли смогу. Мы столько лет вместе, столько пережито,

сам знаешь... И простить его точно не смогу. Вот как так жить дальше? Иногда такая тоска накатывает... Из-за этой неопределенности. Я сама не могу понять, чего хочу. А что касается тебя, Антоша?.. Ну ты же знаешь, что мы друзья. И все... Как было, так и будет. Понимаешь?

Плетнев слушал ее, опустив голову. Его руки лежали на столе, и Ирина заметила, как он машинально крошил пряник, складывая крошки в блюдо. Тень сожаления пробежала по ее лицу, и она взяла его за руку.

– Антош, но ведь для тебя это не новость. Мне кажется, я тебе не давала повод думать иначе. Мое отношение к Васе ты знаешь, он мне как сын родной. Но тебе я ничего не обещала. И мне жаль, что ты, возможно, что-то себе напридумывал.

– Знаешь, Ира, как говорят умные люди, – надежда умирает последней. А я все надеялся. Ну, что ты изменишь ко мне свое отношение. Ты же знаешь, что ты значишь для меня...

Ирине тяжело было вести этот бессмысленный, на ее взгляд, разговор, поэтому она явно обрадовалась, услышав звонок в дверь. Она вскочила с прытью юной девушки и бросилась к двери.

– Катька наконец приехала! Надо же, как быстро добралась! Небось обогнала всех, Шумахер наш! – В ее голосе Плетнев услышал облегчение. Он тихо вздохнул и пошел следом за ней. К двери они подошли одновременно, но Ира опередила его, поворачивая ключ в замке.

– Вот те на! – она обалдело уставилась на Турецкого, вид которого был, мягко говоря, не совсем обычный. – Шурик...

Турецкий ввалился в квартиру, отодвинув Ирину, как вещь, которая стояла у него на пути и мешала его продвижению. Всклоченные волосы торчали в разные стороны, лицо покрылось красными пятнами, глаза угрожающе сверкали. Он плохо держался на ногах, и вообще было удивительно, как в таком состоянии он добрался к Плетневу. Хозяин дома посторонился, пропуская гостя в прихожую, смерив его неодобрительным взглядом.

– Ну, Саша, и видок у тебя! И как только ты на ногах держишься! Долго квасил?

Александр с места сделал рывок к Плетневу и едва удержался на ногах. Лицо его стало свирепым, выпученные глаза уставились на хозяина дома.

– Ах ты, змееныш... это моя женщина! – Язык у него заплетался, но слова он произносил довольно внятно.

Антон не сдвинулся с места. Он уже успел прийти в себя от удивления из-за неожиданного появления Александра и ледяным тоном одернул его:

– Остынь, Турецкий! стыдно потом будет!

Александр пошатнулся, но опять удержался на ногах и возмущенно рявкнул:

– Кому стыдно? Мне?! А по хारे не хочешь?

Свою угрозу он решил сразу же привести в действие и замахнулся что есть силы. Его качнуло, и Плетнев легко ушел от удара. Ирина таращилась на эту безобразную сцену во все глаза, потеряв дар речи. А Антон, оказавшись за спиной Турецкого, сжал его плечи, как в тиски, не давая ему повернуться и замахнуться снова. Они топтались на месте, как два медведя. Турецкий пыхтел, пытаясь вырваться, но Плетнев спокойно держал его, приводя своего гостя в ярость.

– Саша, тихо! Все не так, как ты думаешь!

– Так все говорят... В американских фильмах...

Турецкий размахивал руками, но достать Плетнева не мог. «Перебрал...» – мелькнула у него мысль, но сдаваться он не собирался. Антону надоела эта возня, и он отпустил его, чем незамедлительно воспользовался Александр, чудом удержавшись на ногах. С силой размахнулся и ударил Антона в лицо. Тот даже не сделал попытки увернуться или ударить в ответ. Ирина наконец обрела дар речи и вскрикнула, увидев, как из рассеченной губы Антона потекла кровь. Но и Турецкий от резкого движения не смог удержаться на ногах и завалился на бок. Падая, он ударился скулой об угол полки для обуви да так и остался лежать на полу, глядя

снизу на своего кровного врага в самом прямом смысле слова. Ирина испуганно смотрела на разбитые лица мужчин.

– Ребята, да вы что? Обалдели? Шурик, немедленно прекрати драться! Антон, посмотри, на кого вы похожи!

От волнения она начала заикаться, но никто не слушал ее сбивчивые слова. Антон, нависая над телом поверженного противника, холодно поинтересовался:

– Ну и что? Полегчало тебе, Турецкий?

Александр завозился на полу, с трудом поднялся, пытаясь придать своему телу вертикальное положение, покрутил головой и произнес почти трезвым голосом:

– Не-а... не полегчало.

Потрогал свою скулу, поднес руку к глазам, сокрушенно рассматривая следы размазанной крови. Взгляд его переместился на Ирину. Ярость после небольшой стычки, которая закончилась для него так бесславно, куда-то ушла, остались только обида и сожаление.

– Ира, я ухожу.

Он укоризненно взглянул ей прямо в глаза, пытаясь не моргать, чтобы она поняла всю серьезность его заявления. Потом повернулся к Плетневу, который подпирал спиной косяк двери и молча смотрел на Турецкого.

– И от тебя, Плетнев, ухожу. Из «Глории». Поняли? У-хо-жу! От всех! На фиг!

Плетнев выдержал взгляд Турецкого и спокойно произнес:

– Нет. Не поняли. Проспись сначала, а потом уже поговорим. На трезвую голову...

– Зря не поняли! От этого не проспишься... В общем, я улечу, а вернуться не обещал. Так и знайте, дорогие товарищи... Блин!

Он пошатнулся, поворачивая непослушное тело к двери, и вышел, оставив ее открытой. Ирина и Плетнев не сдвинулись с места – оба обиделись на Турецкого за незаслуженные подозрения, а Антон еще к тому же и схлопотавший от коллеги по морде. Опять-таки ни за что. Они прислушивались к его неуверенным шаркающим шагам, пока он спускался по ступенькам вниз, что-то бормоча себе под нос. Внизу хлопнула дверь.

– Ушел... – растерянно обронила Ирина.

В ее глазах стояли слезы. Лицо было растерянным и выражало полное недоумение и какую-то детскую обиду. Антон закрыл дверь, зачем-то подергал ее, словно проверяя надежность замка.

– Пошли в комнату, – скомандовал он и решительно потянул Ирину за рукав.

Она послушно побрела за ним, не веря в то, что произошло. Как он мог? Как Шурик мог устроить мордобой в чужом доме? Да еще с кем? С человеком, которого сам же спасал когда-то. И как он мог подумать, что Ирина ему изменяет? Ведь он нарочно не сообщил, что придет раньше, – вдруг мелькнула ясная мысль. Он их хотел застукать! Ира от возмущения и обиды всхлипнула и шмыгнула носом.

Антон подвел ее к дивану.

– Садись и слушай: он вернется. Придет в себя и вернется, – пообещал он Ирине, успокаивая ее. Но сам в этом не был уверен. Он уже хорошо изучил Турецкого и знал его упертый характер.

– Антон, я боюсь, что ты не прав... Я никогда не видела Шурика в таком состоянии. Мы, конечно, ссорились, скандалили, какая семья обходится без этого? Но чтобы такое?..

Ирина с потерянным видом сидела на стуле, и ей было себя очень жалко. Ни за что ни про что выслушивать в свой адрес гнусные подозрения, в то время когда у самой Ирины были гораздо более веские причины ревновать мужа. Как говорят в народе, свалил с больной головы на здоровую. Ой, как же погано на душе! И совершенно непонятно, что теперь делать. В голове полная неразбериха, а от Антона, похоже, не приходилось ждать какого-то конкретного

совета. Он и сам сидел как в воду опущенный. А еще мужик! Все они такие – оставляют слабую женщину наедине с ее безутешными мыслями...

Через двадцать минут прибыла Катя и очень удивилась, что о ней, оказывается, все забыли. Дверь открыли не сразу, ликующих воплей она не дождалась, а когда увидела попорченное лицо Антона и заплаканную подружку, бог весть какие мысли пришли ей в голову.

– Ребята, я даже думать боюсь, что вы тут натворили за это короткое время... – весьма неуверенно попыталась она пошутить.

Но всем был не до шуток. Антон сидел надутый, как сыч. Ира, всхлипывая, поведала о событиях, предшествующих веселому появлению замешкавшейся подружки.

– Ну подрались мужики, – увещевала ее Катя. – Так ведь испокон веку мужчины за женщин дрались. Даже на дуэли! А тут незначительные телесные повреждения, смех один.

– Катя, так ведь он ушел! – в отчаянии заламывала руки Ирина.

– Проклял? – деловито спросила Катя. – Нет? Ну так что ты паришься? Иногда мужу полезно поревновать, чтобы вернуть остроту чувств. А то у вас жизнь была относительно спокойной, с небольшими семейными встрясками, прямо неинтересно как-то. А тут драка, дикая ревность, Шекспир отдыхает! И главное, дорогая, ты представляешь, какой накал чувств у вас возникнет в момент счастливого примирения?!

– У тебя одно на уме... – слабо возразила Ирина.

Антон мрачно слушал женский треп и в который раз поражался легкомыслию девчонок, как он иногда называл их, зная, что им это нравится.

– Ну что, несчастные мои? Я полагаю, поездка на дачу отменяется, – взяла инициативу в свои руки Катя, видя, что ее друзья явно не в состоянии принимать какие-либо решения. – Зря я так мучилась, торчала в этих пробках, голодала, испытывала жажду и прочие жизненные лишения. А теперь еще придется тебя, Ириша, везти домой. Не станешь же ты ночевать у постороннего мужчины? Или теперь уже станешь? Вряд ли Саша вернется проверять... – игриво взглянула Катя на Антона.

Тот что-то невнятно промычал – дескать, что хотите, то и делайте. Я свое уже сегодня получил. Ни за что...

– Домой хочу, – жалобно ответила Ира. И тут же спохватилась: – Так ты же голодная... Давай я тебе чай вскипячу. А ты пошарь у Антона в холодильнике, может, что-то надыбаешь. Или будем сумки распаковывать?

– Нет, легкий ужин – и к тебе, – заявила Катя и по-хозяйски полезла в холодильник.

Она решила довольствоваться бутербродом и чашкой чая. Антон очнулся, вышел наконец из состояния ступора и начал предпринимать какие-то действия. Он поковырялся в морозилке, прилагая немалые усилия, чтобы выдернуть замороженного кальмара, и приложил его вместо льда к подбитому глазу.

– Поздно, больной, – съехидничала Катя. – Раньше надо было думать. Завтра тебе фингал обеспечен. Большой и синий.

– Раньше мне некогда было, – пробурчал Антон. – Я находился в состоянии шока.

Он неодобрительно наблюдал за Катей, которая накрошила на клеенке, нарезая хлеб, а теперь с аппетитом поглощала бутерброд с колбасой. Закончив легкий ужин, она побросала все на столе и засобиралась.

– Посуду вымоешь сам. Пошли, Ирочка, нам еще ехать домой. Давай собирайся. Где тут твои сумки с продуктами? Может, мы в дороге проголодаемся. Из Медведково ехать – все равно что из другой страны...

– Пока, девчонки.

Антон посмотрел на обеих с некоторым сожалением. После такой встряски хоть одна могла бы остаться с ним и разделить его печаль. С Сашкой разругался насмерть, а подружкам

его переживания по фигу. А он ведь человек тонкий, ранимый, теперь спать не будет после таких нервных потрясений...

– Ты хоть выгляни в окно, посмотри, как мы отъезжать будем. Чтоб мы чувствовали себя под надежной мужской защитой.

Катя подхватила сумку, Ира вторую, и обе пошли к выходу.

Все-таки язва эта Катерина. Антон закрыл за ними дверь и подошел к окну. Чтобы они видели, как он их защищает, оставил свет и высунулся по пояс. Девчонки уже стояли у машины и помахали ему руками. Катя приглушенно крикнула:

– Спасибо, дружище!

Машина лихо отъехала от бордюра, чуть не задела соседний автомобиль, но вовремя вильнула и бодро покатила через двор к дороге...

Катя без умолку болтала, чтобы отвлечь Ирину от грустных мыслей.

– Кать, ты все-таки не отвлекайся, – посоветовала Ирина, когда Катя стала перестраиваться в соседний ряд, не взглянув в боковое зеркальце.

Мимо в опасной близости пронесся большой черный джип, яростно засигналив. Водитель свирепо потряс кулаком, но, слава богу, останавливаться не стал.

– Ой, и вправду отвлеклась, – извинилась Катя. – Ну ладно. Сейчас уже машин меньше, можно поболтать. Помнишь, я тебе про соседа рассказывала? Который недавно из Канады вернулся.

– Ну помню. И что? Клеился? – без особого интереса спросила Ира.

– Да я не о том. Он примерный семьянин. Две дочки у него, жена хорошая, мы с ней общаемся по-соседски. Она мне рассказала вчера такую историю! Я обхохоталась. Ее муж в Канаде лекции в университете читал, его на два месяца туда пригласили. А приехал и заявил жене, что надо экономить воду. А то она не экономит, что очень неправильно. Потому что зря расходуются водные ресурсы планеты. Она моет посуду под проточной водой. Включит кран, вода льется, а она моет и моет, а вода все льется и льется.

– Да и я так мою. А как еще?

– Я сама так мою. А это в корне неправильно. Надо заткнуть слив пробкой, налить воды. И в ней уже мыть. А потом слить грязную, заткнуть пробкой и полоскать в чистой.

– Обалдеешь – затыкать, сливать, наливать...

– Она ему тоже так сказала. А он ей сделал замечание, что по заграничным меркам она крайне расточительна и отныне он сам будет мыть посуду. Экономить мировые ресурсы воды в отдельно взятой квартире. После обеда она ушла с дочками гулять, поскольку он их фактически выпер, чтобы поскорее приступить к канадскому способу мытья посуды. Он, знаешь ли, человек увлекающийся. Если дело касается эксперимента, всех построит. Заткнул пробкой слив, включил воду, поставил в мойку тарелки. Стоит, наблюдает, радуется. Тут зазвонил телефон, и он побежал в комнату. А надо сказать, что он доктор математических наук, профессор, у него несколько аспирантов. Вот как раз один из аспирантов и позвонил проконсультироваться по-быстрому. Быстро не получилось, потому что этот профессор – человек не только увлекающийся, но и очень обстоятельный.

– Я это уже поняла по его способу мытья посуды.

– В общем, мой сосед опомнился только тогда, когда вместе с потоком воды в комнату всплыла вся обувь, которая стояла у них в коридоре. А сначала вода заполнила кафельный пол кухни, перелилась через порог и так далее.

– Боже мой! – воскликнула Ирина.

– Вот и он так вскрикнул. Только я подозреваю, немного по-другому. Профессор-то он профессор, но ничто человеческое ему не чуждо. Словом, побежал по воде в кухню, закрутил кран. А потом в коридор, посрывает с вешалок все подряд пальто и курточки и побросал на пол. Чтобы собрать воду. Вместо тряпок.

– Какой ужас! – опять воскликнула Ирина.

– Так же, только гораздо эмоциональнее вскричала его жена, когда вернулась с дочками с прогулки. Но она его простила, потому что как раз в этот день на прогулку решила пойти в новой норковой шубе, которая до этого висела в прихожей...

Катя заливисто расхохоталась, Ирина тоже улыбнулась.

– Ну и кто у них теперь моет посуду?

– Конечно же жена, старым, испытанным способом. А профессор в этот момент на кухню не выходит, чтобы не расстраиваться. Эксперимент-то не удался.

– А почему она тебе вдруг рассказала эту историю вчера? Дело-то было зимой, насколько я поняла. Не в сентябре же она в шубе гулять пошла.

– Да потому, что вчера они опять залили нижних соседей. У них разорвалась гибкая труба, которую профессор купил на рынке и установил под мойкой в качестве эксперимента. Устанавливал сам, потому что жена иногда пилит его, что он не занимается домашним хозяйством. А он любит покупать всякие новинки и применять в своей квартире. Правда, обычно вызывает сантехников. А тут решил сам справиться. Труба оказалась какая-то левая, но продавец ее так расхваливал, что наш доверчивый сосед купился. Какое счастье, что я живу не под ними! Уже второй раз радуюсь. Пустячок, а приятно.

За разговорами доехали до дома Турецких. Ирина подняла голову, посмотрела на темные окна и вздохнула.

– Брось вздыхать, – одернула ее Катя. – Ты разве ждала чего-нибудь другого? Бери лучше сумки, у меня в багажнике ведь тоже полно еды. Поживу у тебя, пока все не съедим. Или пока Саша не вернется.

Ирина с укором взглянула на подругу. Та утешать совсем не умела. Или просто не старалась. Могла же сказать как-то иначе, например: переночую, а утром, когда Саша вернется, вместе позавтракаем и поеду домой...

3

Петр Щеткин сидел над материалами по делу о квартирных кражах. То есть дел было уже четыре. И хотя он к богатеньким Буратино относился без особой любви и восхищения, его профессиональный долг требовал помочь этим удачникам на ниве финансового успеха. Правда, в данном случае удачливыми их можно было назвать с большой натяжкой. Но опять же – с какой стороны посмотреть. Все живы-здоровы, под горячую руку грабителям не попались. А добро можно снова нажать, раз у них к этому имеются такие недюжинные способности.

Первое дело легло на стол старшего оперуполномоченного Щеткина еще два месяца назад. На улице Станиславского ограбили известного писателя. Его имя было у всех на слуху, поскольку он умудрялся каждые три месяца издавать по новому детективу. Щеткин ради интереса прочитал его две книги – понравилось. Сюжет лихо закручен, и, главное, не с первой страницы догадываешься, кто же совершил убийство. Когда Петр беседовал с писателем, тот ему тоже понравился. Во-первых, он вообще уважал трудолюбивых людей. А этот же пишет с утра до ночи, не разгибая спины, а может, и ночи напролет. Иначе как можно успевать писать такую прорву книг? Во-вторых, на допросе вел себя спокойно, без истеричности, хотя из его дома унесли много ценного. А ведь оно ему не даром досталось.

– К счастью, компьютер я прихватил с собой на дачу. Решил поработать на природе. А то если бы украли и его, это было бы большой потерей. Я как раз заканчивал новый роман. И вообще, у меня в нем много ценной информации.

– И сколько вы отсутствовали?

– Полторы недели. Жену с сыном отправил на отдых в Испанию, а сам поехал на дачу. Решил на природе и отдохнуть, и поработать. Домой вернулся накануне возвращения семьи. Заподозрил что-то неладное, когда дверь открывал с некоторыми затруднениями. Захожу – поле брани! Все перевернуто, дверцы шкафов открыты, повсюду вещи валяются, книги вывалены на пол. Наверное, деньги сначала в книгах искали, но когда нашли сейф в тайнике в платяном шкафу, выгребли все...

Щеткин знал по заключению, что в квартире действовали четверо. Следователи определили следы от обуви четверых мужчин. Пока одни воры рылись в обширной библиотеке писателя, остальные прочесывали квартиру в поисках возможного сейфа. Нашли. Поэтому добрая половина книг на стеллажах осталась нетронутой. Вынесли несколько оригинальных картин, настольные бронзовые часы на подставке, коллекцию холодного оружия и далее по списку. Смущало в этом деле одно – наличие железных дверей с двумя хитроумными запорами. Грабители лихо справились с замками, только слегка повредив начинку, а после того, как хорошенько поживились, заперли их. Специалисты подтвердили, что замки по-настоящему надежные. Загадка...

Второе дело поступило через неделю. С гастролей вернулась актриса, которая только-только, буквально за месяц до отъезда, успела купить новую квартиру и даже толком не расставила вещи. Зато двери установила надежные, с импортными замками, к тому же квартиру поставила на сигнализацию. И со спокойной душой поехала с чесом по городам и весям родной страны. По какой-то причине сигнализация не сработала, замки грабители открыли, поковырявшись в них, но опять же – после ограбления заперли. Актриса, как человек творческий и особа весьма впечатлительная, эмоций сдержат не могла. Даже спустя день после того, как обнаружила ограбление, материлась в кабинете Щеткина с таким мастерством и пылом, что Петр прямо заслушался. Видимо, путешествуя по стране, она времени зря не теряла и постоянно обогащала свой личный словарный запас матерными словами. Майор узнал для себя кое-что свеженькое и даже записал, чтобы поделиться новыми знаниями с Турецким и Плотниковым, любителями живого русского слова.

Третье ограбление не заставило себя долго ждать. Прошло четыре дня после запоминающегося визита актрисы в кабинет следователя, как поступило новое заявление – от режиссера театра Валеева. В его квартиру вперлись совершенно внаглую, среди бела дня, видимо, зная, что режиссер на прогоне спектакля, жена на работе в известной фирме, а сын-студент на лекциях. По всей вероятности, семью пасли и изучили расписание дня каждого ее члена. Режиссер больше всего огорчился тому, что вместе с привезенным из Японии телевизором грабители унесли зачем-то все видеокассеты с записями спектаклей его театра.

– Невосполнимая потеря! – красивым трагическим баритоном восклицал он, и Щеткин ему верил. – Часть этих спектаклей вошла в историю нашего театра, мы их уже не играем. И такая подлость, их украли! Ведь они грабителям ни к чему! Выбросят на помойку!

О том, что помимо телевизора вынесли всю дорогую электронику, золотые украшения жены, три тысячи долларов и новый мебельный гарнитур, он как-то не упомянул, погруженный в свое искреннее горе. Список похищенного смогла сообщить его хрупкая рыжеволосая жена, которая самообладания не потеряла и в отличие от мужа дорожила не только кассетами с записями спектаклей.

Оперативники только диву давались, как быстро ухитрились грабители подобрать к замкам ключи. Ведь обычно, чтобы справиться с замком повышенной сложности, требовалось время. Тем не менее было очевидно, что работа по подбору ключей все-таки проводилась, поскольку на стальных дверях остались следы – многочисленные царапины и вмятины.

Четвертое ограбление произошло ночью. Видимо, грабители решили сменить тактику. Хозяин квартиры – довольно крупный бизнесмен в это время с семьей отдыхал на даче, праздновали день рождения жены в кругу родственников и друзей. Вернулись в Москву только к вечеру следующего дня – в пустую, разоренную квартиру. С женой случилась затяжная истерика, и заботливый муж положил ее в привилегированную клинику. Скорее всего, чтобы сбросить себе нервы хоть на короткое время. Поскольку предстояло выяснить, что же осталось из нажитого непосильным трудом имущества и всяких прочих ценностей.

Щеткин из агентурных сведений узнал, что бизнесмен каким-то краем соприкасался с криминалом. Поэтому налет на свою квартиру тот назвал полным беспределом и личным оскорблением. Наверное, считал, что его дружбаны оборзели, раз допустили такое. Но вычислить, кто посмел посягнуть на его добро, самостоятельно не мог, поэтому постоянно теребил следователей, а больше всего доставалось Петру. Бизнесмен проникся к нему большим уважением и не оставлял в покое, требуя немедленно разыскать наглецов и вернуть награбленное.

– Мы занимаемся вашим делом, так что ждите, – наконец не выдержал Щеткин его ежедневного натиска и попросил набраться терпения и не мешать следствию.

У бизнесмена, похоже, было полно свободного времени. Он то звонил, то приходил сам – крайне беспокойный и нервный субъект. Теперь понятно, почему он свою жену отправил на лечение. К его нервозности да истеричность жены – они бы точно грызлись с утра до ночи и докучали Щеткину уже вдвоем, заводясь друг от друга. Надо при случае поблагодарить его, что хотя бы на время избавил следователей от лишней нервотрепки, думал Щеткин. Иначе работать было бы еще труднее.

Тем временем пришла информация по ограблению актрисы. Сигнализация не сработала не потому, что произошел какой-то сбой. Грабители сумели отключить ее при помощи электронного устройства. Щеткин вчитывался в результаты экспертизы «...электронное устройство генерировало специальные сигналы, в результате чего на пульт вневедомственной охраны тревога не поступила». Понятно. Действовали не просто грабители, а продвинутые, оснащенные современной электроникой. Значит, опыт у них немалый. Надо посмотреть базу данных о квартирных кражах. Может, что-то похожее уже было.

По первому ограблению опросили соседей. Выяснилось, что бабульки, которые сидели у подъезда и зорко наблюдали за всеми входящими и выходящими соседями, почему-то не

удивились, когда на их глазах люди в специальных рабочих спецовках с названием какой-то фирмы на спинах выносили и погружали в фургон множество разногабаритных вещей. Соседки решили, что кто-то переезжает. На фургоне было название той же фирмы. На букву «тэ» – единогласно доложили бабульки. Но название не запомнили, в нем было много букв, и звучало оно по-иностранному.

Щеткин сам вторично опросил соседок исключительно потому, что не мог понять, почему они проявили такое безразличие к этому, не совсем рядовому событию в жизни двора. Все-таки дом старый, не каждый день туда въезжают или, наоборот, оттуда выселяются люди. Ответ был обезоруживающий.

– Они так спокойно выносили вещи... Не торопились, не нервничали и даже не оглядывались по сторонам. Вели себя как обычные люди, которые выполняют свою работу. Даже шутили между собой и смеялись. А еще были совершенно трезвые...

Беский аргумент. Трезвые грузчики – явление в глазах граждан редкое, но заслуживающее всяческого одобрения. Именно поэтому обычно подозрительные бабуси не всполошились. А ведь они, сидя на своих лавочках, каждого проходящего десять раз обсудят и вынесут свой приговор. И далеко не всегда лестный.

Щеткин сначала пытался понять, что объединяет все эти ограбления. Может, существует некий общий знакомый всех ограбленных, который знает о немалых богатствах, таящихся за этими чудесными сверхнадежными дверями. Версия отпала довольно быстро. Хотя трое из четверых пострадавших и относились к людям творческого круга, у каждого из них была своя тусовка. Щеткина немного удивил режиссер, который изо всех сил пытался помочь следствию в надежде вернуть свои кассеты, но делал это весьма некорректно. Он назвал с десяток знакомых, подозревая, что каждый из них мог вломиться в его квартиру. Почему-то все перечисленные были друзьями сына. Молодой дознаватель Саня Крючков побеседовал и с сыном, и с его друзьями и был несколько обескуражен предположениями Валеева. Сын учился на четвертом курсе юрфака, юноша вполне приличный и водил знакомство с такой же приличной молодежью. Когда Щеткин в очередной раз беседовал с Валеевым, попросил объяснить, почему тот не доверяет друзьям своего сына. Режиссер вскинулся:

– Так они все бывали в нашем доме! Мало ли что у них на уме? Может, кто-то из них приходил и присматривался! Например, я совершенно точно знаю, что сокурсница моего сына встречается с сирийцем! Она могла ему рассказать, что у нас в доме отличный музыкальный центр, домашний кинотеатр, а тот организовал грабеж.

– Почему вы так думаете? – изумился Щеткин, который уже успел ознакомиться с информацией о друзьях будущего юриста. – Ведь вы знаете, что девушка из приличной семьи, ее отец известный хирург. Когда наш дознаватель с ней беседовал, выяснилось, что сирийский юноша работает в фирме своего дяди, у них бизнес по продаже машин. И ему ваше имущество ни к чему. Он вполне обеспеченный человек. К тому же ему неприятности в чужой стране не нужны. Он здесь живет.

– Но он же иностранец! – не сдавался Валеев. – Мало ли что у него на уме? И эта девушка... Еще надо поинтересоваться, почему она связалась с сирийцем. Ей что, наших парней мало? – Какая-то тень личной обиды прозвучала в голосе режиссера. То ли за сына, то ли за самого себя.

– Ну, вам бы в советское время в соответствующих органах работать! – не сдержался Щеткин, удивляясь дремучести Валеева.

Время шло, следствие продвигалось медленно. Хотя кое-какие обстоятельства уже прояснились. Например, было установлено, что во всех случаях возле подъездов ограбленных квартир стоял все тот же фургон с названием некой фирмы. И бабульки, и случайно проходящие соседи описали фургон и даже общими усилиями составили приблизительный фоторобот грузчиков. Но название фирмы вспомнить так и не смогли. Кроме бабулек, никто даже злосчастную

букву «т» не заметил. Поиски фирмы, которая занималась грузовыми перевозками и могла быть причастна к грабежу, ни к чему не привели. Ни «Тендер-авто компания», ни «ТК Комби Транс», ни «Транс логистик экспресс», ни с десяток других фирм, занимающихся перевозками грузов, не вызвали у старушек никаких эмоций. Слово у них «крутилось на языке», «мелькало в голове», но вспомнить его они не могли.

Во время ночного ограбления одна соседка тоже заметила фургон с включенными фарами возле подъезда, откуда выносили мебель и немалое количество вещей. Как при переселении. Но ее это также не удивило. Наоборот, пожаловалась, что двор живет активной ночной жизнью – вечно хлопают дверцы припозднившихся машин, люди разговаривают в полный голос, не считаясь с ночным временем, спать не дают, она уже и не помнит, когда нормально спала последний раз. Поэтому решила, что люди съезжали ночью и выносили свое добро исключительно ей назло. Соседка про ночной вынос чужого имущества сообщила в двух словах, зато про свою бессонницу рассказывала как сагу – в мельчайших подробностях. Выглядела она действительно неважно. Под утомленными глазами красовались темные круги, лицо было помятым, как выглядят все хронически невысыпающиеся люди. Если бы не ее преклонный возраст, Щеткин мог бы еще допустить, что по ночам она предается порочным утехам. Но даме было уже под шестьдесят, и выглядела она вполне на свои годы. Петр проникся ее проблемой и посоветовал обратиться к врачу. Она почему-то обиделась...

Щеткин сидел над материалами следствия, в который раз читая заключение технической экспертизы. Где-то тут кроется тайна... Еще одно усилие мысли...

В дверь кто-то постучал, но только ради приличия, потому что не дождавшись приглашения, в кабинет ввалился Плетнев. Щеткин рассеянно взглянул на него и только со второго захода узрел на лице у боевого товарища свежие ранения.

– О, кто это тебя так? – удивился он.

Хотя, зная заводной характер Антона, удивляться вроде было нечего. Обычное задержание подозреваемого с легкой руки Антона могло перерасти в потасовку. Правда, понятие «легкая рука» применительно к Антону звучало как нонсенс.

– Подробно рассказать или в двух словах? – почему-то окрысился Антон. Сегодня он явно был не в настроении.

– Давай в двух словах, – не задумываясь, предложил Петр, поскольку боялся, что мысль, которая только что начала формироваться, может испариться. Но отшивать Антона тоже было себе дороже. Обидится, затаит зло, потом будет вспоминать и не раз еще попрекнет друга в черствости.

– Какой ты бессердечный, Петр. «В двух словах...» – передразнил он Щеткина. – У меня вся жизнь поломатая, а тебе и дела нет.

– Антон, ты меня не так понял. Я весь внимание! – сразу сделал сосредоточенную мину старший оперуполномоченный и на листочке быстренько черкнул слово «замки». Так сказать, сделал пометку на будущее. Поймал мысль и закрепил ее на бумаге.

– Что, протокол будешь писать? – съязвил Антон, проследив за движением руки Щеткина.

– Да что с тобой, Антон? Это я для себя записал, чтобы не забыть. А то только забрезжило, боюсь нить потерять.

– А-а-а, ну ладно, – успокоился Антон. – Я к тебе знаешь зачем пришел?

– Сказать, что жизнь у тебя поломатая... – подсказал ему Петр.

– С жизнью у меня все ясно уже давно. То есть нет у меня никакой жизни. И вчерашний день тому подтверждение. Извини, старик, в двух словах не получится...

И он стал подробно рассказывать Щеткину о событиях минувшего вечера, слегка украсив свой личный героизм по отношению к бывшему другу Турецкому. А героизм его проявился в том, что он долго терпел грязные намеки Сашки. И даже вчера вечером не поддавался

на его провокации, чтобы не допустить драки. Честно говоря, ему даже в голову не приходило, что Турецкий приперся подраться. Сашка сам напоролся на его кулак, а потом на обувную полку – он, Антон, тут ни при чем. И свое лицо Плетнев буквально сам подставил под удар Сашкиного кулака, чтобы тот отвел душу и выпустил пары.

– Ну? И выпустил? – Петр, увлеченный живым рассказом Антона, требовал полной ясности. Честно говоря, зная задиристый характер Плетнева и неуступчивость Турецкого, он давненько ожидал чего-то подобного. Тем более что повод назревал долго. Тучи сгущались, и дело было только во времени.

– Вполне. После чего почти трезвый ретировался из моего дома, предупредив, что навсегда.

– Ну, это он спьяну. – Щеткин самовольно заменил понятие «почти трезвый» на «пьяный», поскольку сильно сомневался, что Турецкий смог быстро протрезветь, даже устроив такой дебош. – Сам небось поехал домой отсыпаться. Ты в «Глорию» не заглядывал? Может, он уже на боевом посту. Либо раскаивается, либо злой, как черт.

– Я б к тебе не приехал, если бы все закончилось так красиво. Сегодня в двенадцать часов дня звонила Ирина в невменяемом состоянии. Домой Сашка не вернулся, она не знает, что и подумать. Бойся самого худшего. Потому что машина его тоже пропала. Говорит – вдруг разбился где-то за городом или сорвался с моста в Москву-реку и утонул. Потому что она уже звонила в ГАИ, там никакой информации о его машине нет.

– Ну бабы! Фантазия у них работает всегда в сторону худшего. Вот все, что может приключиться самое страшное, у них на первом месте. Сами себя напугают, потом сами и режут.

– Короче, Склифосовский, – прервал его неллицеприятные высказывания в адрес женщин Антон, – наш общий друг со вчерашней ночи не дает о себе знать.

– Загулял с горя... Может, ищет утешение в объятиях какой-то красавицы. Всем назло, а особенно Ирине. Раз уж он так приревновал, у него один выход – клин клином вышибать.

– Хорошо бы, кабы так... Да Иру жалко. Я б на ее месте давно его послал куда подальше. Он своими выходками ей все нервы истрепал. Ну что за козел?

– Ты поосторожнее с такими крепкими выражениями, – доброжелательно посоветовал Петр. – Я-то ничего не скажу. А ну как при Ирине сорвешься? По мозгам получишь. Тебе это надо?

– Мне надо, чтобы она не рыдала в трубку. Она сейчас такая несчастная, что мне, ей-богу, ее жалко.

– Да ну? – немного иронично переспросил Петр. Мол, мог бы и не божиться, давно уже витает подозрение, что Антон неровно дышит к Ирине.

– Не понял?! – В голосе Антона прозвучала угроза.

Петр поднял обе руки и миролюбиво произнес:

– Антон, я тут ни при чем. Вы там сами разбирайтесь, ладно? Ты только со мной не делай так, чтобы я случайно нарвался на твой кулак. Мне тут поле боя ни к чему. Я бьюсь над другой задачей – грабителей ищу.

Антон как-то разом увял и пригорюнился. Посидел на стуле, помолчал, похрустел пальцами. Потом решительно вскочил:

– Все, хватит расслаиваться. Еду в «Глорию». Может, Сашка действительно загулял, сволочь такая... А у меня из-за него работоспособность понизилась.

– Правильно, иди работай. И людям дай поработать.

Щеткин выпроводил Антона и опять уткнулся в бумаги. Слово «замки» подсказало его мысли нужное направление. Во-первых, необходимо выяснить, когда ставились стальные двери во всех четырех случаях. Во-вторых, какой фирме делались заказы. В-третьих, вырезать замки из этих дверей и вместе с ключами хозяев послать на экспертизу. Может, на каких-то ключах остались следы пластилина или гипса.

Щеткин довольно потер руки. Он не сомневался, что в скором времени получит очень ценную информацию.

4

Любка всю ночь не отпускала от себя Казачка, как она нежно называла своего непостоянного любовника. То есть для нее он был постоянный, но она для него – увы... В любой момент он мог сорваться с места и уехать так же неожиданно, как и появился на ее горизонте. И Любка это знала, но мирилась. Такая ей выпала планида. У ее подружек – Надюхи и Варьки – хахали были постоянные. Но она бы не променяла своего Казачка ни на одного из них. Те грубые, неотесанные, стригутся раз в полгода, моются и того реже. Как скинут свои кирзовые сапоги – хоть беги из общаги. А девкам хоть бы хны, рады, что хоть такие есть. Те, что получше, уже давно разобраны. А эти разрешают своим подружкам порыться в маленьких холщовых мешочках, у девок на лице тогда такое блаженство, как будто они сейчас испытают райское наслаждение. И ведь испытывают! Когда Мишка да Серега отсыпят им в ладонь мельчайший золотой песок, девчонки готовы обцеловать их с ног до головы. Этих грязных и небритых золотоискателей, от которых Любка побрезговала бы даже крупинку взять. Из их заскорузлых ладоней, куда грязь въелась на века, и никакой отбеливающий стиральный порошок не в состоянии ее вывести, не говоря уже об обычном хозяйственном мыле.

Казачок был справненький, от него всегда приятно пахло хорошим мылом, волосы расчесаны на косо́й пробор. Руки небольшие, всегда чистые, пальцы длинные, тонкие, как у музыканта. От одного пальца, правда, мало что осталось. Но это его ничуть не портило, наоборот, отсутствие пальца придавало ему ореол таинственности. Какая-то тайна была у Казачка, но он ее не раскрывал, а только улыбался в ответ на все расспросы.

На заре своей счастливой школьной юности Любка ходила в музыкальную школу и была влюблена в своего учителя Леонида Эдуардовича. У него были такие же изящные руки с длинными, тонкими пальцами. И когда он однажды положил на ее пряменькую спинку свою горячую руку, внизу живота у нее сладко заныло. В тот момент Любка поняла, что пошла бы за своим учителем куда угодно. Хоть ночью в пустынный парк через дорогу, где, слышала, уединялись влюбленные парочки. Название у парка было соответствующее – молодежь называла его Парком незаконнорожденных. Но он не позвал. Посмотрел в ее широко распахнутые глаза своими горящими черными глазами, словно в самую душу проник, и велел дальше играть эту чертову «Сарабанду». Ей было четырнадцать лет, и предстоял выпускной экзамен. После этого жгучего момента, который всколыхнул ее естество, как ни бросала она на него томные, красноречивые взгляды, как бы ни касалась, словно невзначай, его рук, когда он поправлял ее пальцы на клавиатуре пианино, он только молча смотрел на нее, а внизу живота ныло и ныло. Однажды после урока, когда она в который раз вперилась в его глаза, изнемогая от непонятого томления, он внезапно охрипшим голосом предложил проводить ее домой. Поздно, дескать, ночь на дворе, мало ли кто может привязаться к одинокой девочке. Был восьмой час вечера, но в октябре в это время уже совсем темно. В подъезде дома обнял ее учитель, положил свою горячую руку на ее грудь, и она чуть не умерла от наслаждения. Внутри, где-то у сердца, как будто полыхал огонь. А когда его горячие влажные губы жадно закрыли ее обветренный ротик, она обмякла в его объятиях и тихо стала сползать по стеночке. Но тут эта чертова соседка тетка Аня из подвала поднималась, картошку тащила в корзинке. Приспичило ей на ночь глядя за картошкой перетяся. Увидела, конечно, и Любку, и ее сорокалетнего кавалера и даже заметила, как он оторвался от ее лица и руку резво отдернул от девчоночьей груди. Хотя лампочка на первом этаже давно перегорела, и свет едва проникал с площадки второго этажа... Тетка Аня остолбенела и даже слова не смогла выдать. А Леонид Эдуардович, растерявшись только на мгновение, заторопился домой, наскоро попрощавшись. Любка, напуганная, прошмыгнула мимо соседки в свою квартиру и всю ночь не могла уснуть. Она вновь переживала момент сладостного ощущения от прикосновения руки учителя и настоящего, взрослого поцелуя. До сих

пор у нее был совсем небольшой опыт поцелуев, мальчишеских и слюнявых, с одноклассниками на школьных дискотеках. Но радость от испытанного блаженства тут же сменилась ужасом перед неизбежным разоблачением. Соседка ни за что молчать не станет, доложит родителям, да еще и приукрасит.

Маманя, конечно, уже на следующий день устроила жуткий разнос. Хорошо, отца не было дома. А то не пережила бы Любаня такого позора. Мать налупцевала дочку мокрым полотенцем, истерично выкрикивая, что не для того они с отцом корячатся на стройках, раствор на себе на десятый этаж таскают, здоровье свое гробят на лютых морозах, чтобы ее дочка заводила шашни с преподавателем музыки, который ей в отцы годится.

– А ты занимаешься развратом вместо того, чтобы закончить музыкальную школу на отлично и поступить в музучилище! Или тебе тоже хочется всю свою жизнь на стройке горбатиться да по больницам лежать – то почки лечить, то радикулит?! А если я тебя, сучка, к врачу поведу и он мне скажет, что ты, проститутка сопливая, уже переспала с этим старым козлом – и тебя задушу, и ему морду кислотой попорчу! Пускай его жена любит, какого уroda на своей груди пригрела...

Любаня до смерти испугалась материных угроз, умоляла сводить ее к врачу, и мать после этих слов как-то успокоилась. Еще не все потеряно. Не успел еще этот хренов пианист Любку заломать. Но дочку надо держать под строгим присмотром, раз у нее уже интерес к мужикам проснулся. И ничего умнее не могла придумать, как стала дочь сопровождать на уроки музыки, а потом встречала свою «гулящую» и тащила ее буквально за руку через весь город домой. Как же Любаня ненавидела тогда свою мать! Она ей так и крикнула в гневе: «Ненавижу!» – прямо в лицо, когда та, по своему обыкновению, торчала под окном музыкалки, блюла невинность дочери. Мать побледнела как полотно, дома закрылась в ванной и долго редела. Любка слышала ее подвывания, и сердце у нее разрывалось от жалости к матери и от стыда за себя, что она посмела ей такое сказать. Вот мать теперь обиделась и ревет, а все из-за нее... Она казалась себе грязной, порочной, испорченной. Потому что все равно продолжала любить Леонида Эдуардовича, и волны сладостного желания гуляли у нее внутри, подступая то к сердцу, то ухаю вниз, не находя выхода, когда она вспоминала его объятия и поцелуи.

На смену матери под окнами музыкального класса стала дежурить жена Леонида Эдуардовича. Видно, и до нее дошли слухи о неких отношениях между ее мужем и малолетней ученицей. И когда Любаня сыграла свою концертную программу и получила на выпускном экзамене заслуженную четверку, три дня дома рыдала. Потому что больше не было повода встречаться с любимым учителем. Мать решила, что от музыки только зло, вона какие эти музыканты – мысли у них только об одном. Хорошо, что учитель не успел испортить девку и не обрухал ее. А то стыда бы набрались, позора, страшно даже представить!

Всю жизнь держать на привязи безбашенную дочку не удастся, никаких нервов не хватит, поэтому мать тут же запрягла ее по полной программе. Для начала отправила после экзаменов в деревню к бабке. Копать ее огороды да бороться с сорняками и прочими вредителями, в частности – с колорадским жуком, от которого стонала вся деревня. Бабка всячески изгалялась над внучкой и велела собирать жуков в бутылку из-под пепси. Потом их торжественно топила в ведре и выливала в уборную. Любаша пробовала возражать, труд же адский! Под каждый листочек заглядывай, согнувшись в три погибели. Солнце в голову печет, спина ноет, на душе тоска. Соседи за забором ходили вдоль своих грядок с ведрами и веничками, обрызгивали картошку какими-то ядохимикатами. «На дворе же двадцать первый век! – выла Любаша. – Давай мы своих тоже травить будем!» – «Неча! – сурово бубнила бабка. – Нехай люди травятся, а я еще пожить хочу».

Любка батрачила на бабку, как нанятая, но только без жалования. Кормила ее строгая бабка вволю, но спуска не давала. В клуб ни в кино, ни на танцы не отпускала и на молодежные посиделки тоже наложила запрет. Лето прошло, как в трудовом лагере для трудновоспитуемых

подростков. С той только разницей, что в лагерях хоть компания какая-то складывается, на дискотеках можно поплясать, в спортивных играх поучаствовать, просто потреться ни о чем. А на бабкиных плантациях Любка смотрела на своих сверстников только через забор, прямо как настоящая рабыня. Бабке еще бы кнут в руки, тогда бы совсем на плантаторшу похожа была бы. Местные пацаны проходили вечерами, свистели Любаше, приглашали на танцы. Но тут выскакивала лютая бабка и начинала так орать, что даже шальные парни убегали стремглав. Однажды только один из местных ехидно спросил: «Что, бабка Стеша, работницу бесплатную нашла?» Все знали, что она нещадно эксплуатирует родную внучку.

Наконец кончилась ее каторга, мать приехала за ней и дала дома два дня передышки. С первого сентября Любаша уже числилась студенткой технического колледжа, совсем недавно это было обыкновенное ПТУ. Мать определила ее учиться на часовщицу. И на хрена тогда нужна была эта музыкальная школа? На хрена козе баян? – вспомнила Люба шуточки бывших одноклассников. Правда, потом на часовом заводе все восхищались ее тонкими, изящными пальчиками. А толку чуть. Кто из парней нынче смотрит на пальчики? Им подавай красивое личико, а оно у Любки было очень средненькое. Да еще волосики жидкие, да зубы кривоваты. Одарила ее природа только глазами голубыми, да и те не сказать чтобы большие были. Ну и губы у нее не подкачали. На втором курсе колледжа Любка закрутила роман с Юркой. Он был на два года старше, совсем уже взрослый парень – коренастый блондин, с круглой симпатичной рожей и вечной веселой ухмылкой на губах. Он ее целовал до умопомрачения, все восхищался ее пухлыми, чувственными губами. Юрка ей нравился. И когда он, целуя ее, весь аж дрожал от страсти, знакомое чувство томления внизу живота напомнило о любимом учителе. Но страх перед матерью какое-то время еще удерживал ее от решительного шага и окончательного падения.

Наступил Новый год, в актовом зале колледжа устроили карнавал. Любаша кружилась в вихре танца, даже не успевая запоминать всех кавалеров. Мать ей купила новое платье с блестками, которое обтягивало ее стройненькую фигурку и выгодно подчеркивало все, что надо. Отбоя от ребят не было. Кто-то из них крикнул ей в ухо: «А ты супер!» Диджей, а попростому Колян с третьего курса, врубал музыку так, что можно было оглохнуть. Разгоряченный Юрка затаскивал ее в темные углы и уже конкретно запуская руку под юбку. Пили шампанское, которое так ударило ей в голову, что уже мочи никакой не было, так возбуждающе на нее подействовало «Игристое». Плюнула она на всякие условности и страхи, дала себя одеть в меховую шубку и пошла с Юркой ночью в заветный парк. В шестнадцать лет она себя уже совсем взрослой считала.

Юрка действовал по-деловому, расстелил на снегу свою куртку, а уж улеглась она на нее без всякого понукания. Надо так надо. Тем более что очень хочется. Целовался он хорошо, может, и остальное умеет делать так же. Сколько же можно противиться зову природы? Так недолго и инвалидом стать – это ей объяснила соседка Вероника, у которой к двадцати шести годам перебивало с десятков любовников. Даже директор долотного завода. Да что-то никто не торопился на ней жениться. Вероника была хороша той яркой, но вульгарной красотой, которая привлекает мужчин, чтобы насладиться в постели, но отпугивает, чтобы жениться.

Юрка свое дело делал как-то неправильно. Было и больно, и неприятно, она даже заплакала и сильно разочаровалась. Где же то наслаждение, которое сулила ей Вероника и к которому Любаша стремилась последние два года? Может, у нее от такого длительного воздержания уже все давно перегорело, и она действительно стала инвалидом... Подумалось, что Леонид Эдуардович любил бы ее гораздо нежнее.

Скоро Юрка со своей деловитостью ей надоел. Хорошо хоть не забеременела. А все благодаря рассудительности Юрки. В его планы женитьба по залету не входила, о чем он ей сразу и сообщил. Тогда, в первый еще раз, лежа на снегу и с любопытством наблюдая, как основательно Юрка готовится лишить ее девственности, она сильно удивилась, что он все предусмотрел и

шуршит целлофановым пакетиком. А она-то думала, что он от нее голову теряет. Оказывается, страсть страстью, а рассудок он не терял. И такая его любовь? Любаша мысленно подгоняла его, а все оказалось вовсе не так романтично. В общем, роман продлился после этого совсем недолго. Одно дело, когда тебя страстно обнимают и ты ждешь неземное наслаждение, а другое – когда у тебя на глазах аккуратно вскрывают пакетик и по-деловому приступают к обыкновенному траху. Любаша была девушкой прямой и в конце концов послала своего кавалера куда подальше. Объясняться она не любила, это ее напрягало. Юрка сначала не послушался, хвостом за ней ходил, проходу не давал, Любушкой называл. Но она назло ему завела шашни с мастером Василием, тому уже тридцать два минуло. Юрка от обиды и отстал. Еще бы, куда ему тягаться с наставником, у которого оба практику проходили. Василий был красавчиком брюнетом с тоненькими черными усами, от которых все девчонки млели. Но и новый ухажер со своим немалым опытом быстро надоел Любаше. Все его пошлые комментарии да дурацкие эксперименты вызывали в ней сначала изумление, а потом и отвращение. И тут облом. Ни романтики, ни кайфа. Своему кавалеру Любаша так и сказала: «Тебе лишь бы перетоптаться. Ни фига я с тобой не чувствую. Одни неудобства». Так он, гад, еще и посмеялся над ней, когда она заявила, что больше не хочет с ним встречаться, бесчувственным бревном обозвал.

– Кому ты нужна? Ни кожи ни рожи, еще приползешь ко мне, да поздно будет. На меня тут очередь на год вперед! – бахвалился он своим небывалым опытом и, как любил приговаривать, эксклюзивным размерчиком.

Ничего такого особенного она у него не углядела, хотя рассматривала его уже более подробно, чем Юрку. Любаша иногда себя даже корила, что всякий стыд потеряла. Правда, потом сама себя и оправдывала, что в жизни надо всему учиться. Искусству любви тоже. Не она же виновата, что ей попадаются какие-то неправильные мужики. Так и ушла от своего наездника без сожаления. Но словечко «эксклюзивный» ей понравилось, и она пополнила им свой небогатый словарный запас, употребляя чаще всего совершенно не к месту.

Окончила Любка колледж, погуляла еще с несколькими пацанами, да все не те попадались. Ни от кого из них сердце не замирало. А потом решила от матери-отца уехать в места, где хорошие деньги можно было заработать, на Уральские золотые прииски. Там, в Первоуральске, уже давно кантовался ее старший брат Генка, золотоискателем был. Списались. Мать сначала возражала, но отец дал добро. Надоели ему Любкины фокусы, вышла она уже из того возраста, когда можно было ее поздно ночью с ремнем встречать. Решил заботу о ее воспитании переложить на плечи сурового старшего сына. Потому что дома подрастал еще десятилетний Ленчик, от которого стонали все соседи и учителя, а директор школы однажды пообещал отправить его в колонию для малолетних преступников. Нужно было заниматься воспитанием младшего, на двоих сил уже не хватало. Отцу стукнуло пятьдесят восемь, и он объявил себя старым и немощным, а всем друзьям жаловался, что растить детей – неблагоприятное дело. Одни хлопоты и огорчения от них. А расходы какие? Дети нынче наглые пошли – им дай все и сразу. Ленчик совсем оборзел, повадился карманы папаши обшаривать. Никакой заначки не удается утаить. И главное – ни в жизнь не признается. Брешет отцу прямо в глаза, что тот вчера на карачках приполз. Дескать, деньги-то из карманов и повыпадали. И мать вместо того, чтобы приструнить паразита, еще его и подначивает: «Учись, сынок, и никогда так не напивайся, как твой папаша!» А еще на этих захребетников уходит все здоровье, и в пятьдесят восемь человек себя чувствует на все семьдесят. Государство должно отцам троих детей выдавать пенсию в тройном размере. И желательно лет уже в пятьдесят пять. А то с такими детьми вряд ли он доживет до законного пенсионного возраста. Некоторые друзья с ним были солидарны и каждый раз, празднуя окончание очередного рабочего дня, выражали свое согласие с народной мудростью: «Дети – цветы нашей жизни. Но пусть они растут на улице». Чтоб глаза их не видели и душа не болела. Правда, узбеки, которые приехали на строительство жилого комплекса «Белый лебедь» и бок о бок работали с русскими работягами, таких жалоб не понимали. Они и сами были

из многодетных семей, и у некоторых уже по трое-четверо своих ждали дома возвращения отцов. Для кого же тогда работать, если нет детей? Русские мужики их вообще удивляли вечным своим недовольством. Чего людям надо? Прописка есть, не надо бегать от милиции, квартиры есть – с мебелью и чистым постельным бельем. Жены под боком, опять же – детишки дома встречаются. О такой жизни только мечтать можно, а им все плохо... Так плохо, что вместо того, чтобы деткам лишнюю конфетку купить, они эти деньги пропивают. Как убеждают себя и гастарбайтеров – с горя.

Генка с Любахой не чикался. Определил ее в общежитие и нашел работу на второй же день – сидеть в бухгалтерии и считать с утра до вечера. Сам пропадал на приисках, изредка появлялся. В отличие от остальных работяг вусмерть не пил, первые дни после очередной вахты проводил в бане, в порядок себя приводил. Друзья веселились, отрывались, как в последний раз, а он в парной кайф ловил. Заветный мешочек с золотым песком у него тоже имелся. И была у Генки сокровенная мечта – накопить миллион и уехать в ЮАР. Сказал Любахе по секрету, что эта страна занимает первое место в мире по добыче золота. Купит себе прииск, а то и несколько и станет миллионером-капиталистом.

Любка поняла, что он готовит ее к самостоятельной жизни, и барахталась сама, как могла. А тут и Казачок появился. Сначала возле Генки крутился, в помощники набивался. Но Генка заявил, что его бригада уже давно сложилась и новичок им ни к чему. Своих хватает. Любка только поглядывала на Казачка, раздумывая, есть ли какой-нибудь ключик к нему. Очень уж он ей понравился. Одолела Генку расспросами, кто такой да зачем приехал. Речь у него чудная, не русская, не украинская, всего понемногу, но даже это казалось в нем милым и приятным. Надоела она Генке, познакомил ее с Казачком. Мол, сама у него все расспрашивай, раз охота приспела. Не маленькая. Но смотри: если что – сама и отдуваться будешь. И сделал при этом страшные глаза. У Генки была подружка Маринка, не убереглась, залетела, умоляла возлюбленного разрешить оставить дитя. Но он ни в какую. Вплоть до того, что если родит – он ее сразу бросит. Так как у него цель – Южно-Африканская Республика. А тащить туда весь табор он не намерен. Пришлось Маринке на аборт пойти. Да дело обычное, чуть ли не все девки у Сан Саныча побывали, всем он в лучшем виде вернул былую радость к вольной жизни, необремененную нежелательными младенцами.

А ключик Любахе и подыскивать не пришлось. Очень скоро Казачок оказался в ее горячих объятиях и только поражался ее неиссякаемой страсти. Она в нем тоже не разочаровалась. А уж какие у него пальчики нежные были! Она каждый перецеловала, вспоминая красивые руки учителя музыки. Как-то спросила у возлюбленного, как же зовут его. Маманя же дала ему при рождении человеческое имя! А то все Казачок да Казачок.

– Та ж кубанский я, казацкого рода, потому и казачок. А так есть у меня имя, как у всякого человека, – рассмеялся ее любимый, – Олегом назвали.

Имя не совсем простое, в школе на уроках истории, а может, литературы учили про князя Олега, но Любане не понравилось. Как-то не очень оно подходило худощавому невысокому парню. По ее представлениям человек с именем Олег должен быть здоровенным бородатым мужиком с руками, как лопаты. Так и продолжала называть его Казачком. Только боялась очень, что скоро он уедет, и тогда она не переживет пустоты в своей девичьей постели. Усохнет от тоски по любимому. Но Казачок пообещал, что задержится надолго, дела у него здесь важные, которые не скоро решаются. Терпение надо иметь. Поучал ее: «Ты, Любаня, меня люби, пока я рядом, не думай, шо там тебя ждет в будущем. Я с тобой – и радуйся!» Она и радовалась, расцвела, похорошела, даже кожа стала гладкой, ни единого прыщика. Девчонки перешептывались и хихикали. Она догадывалась, о чем шепчутся эти стервозные завистницы, но думала: «Пусть завидуют! Ни у кого такого красавчика нет! А уж что мы с ним в постели вытворяем – это наши дела». В постели он был так хорош, что она чуть не плакала от счастья. И готова была все сделать, только бы порадовать своего любимого. А он не так уж много и хотел.

Всего-навсего, чтобы она рассказывала о планах Генки. А ей что, жалко? Пускай знает, к чему серьезные люди стремятся. Может, это его тоже подстегнет, захочет ее Казачок разбогатеть, а потом и ее с собой заберет. Пусть хоть в ту же Южную Африку. Где она находится, Любаня представляла смутно, где-то внизу на карте мира. Помнила по школьной географии. Но знала, что там солнце, лето круглый год, а еще то ли море, то ли океан, ну и песок, естественно. Значит – сплошные пляжи. Сразу представлялась картина вечного праздника. Жить на курорте ужас как хотелось. Правда, немного смущало, где же там может быть золото? В песке его роют, что ли? Или, может, просто под ногами валяются золотые россыпи? Потом вспомнила сказку из детства про Беляночку и Розочку, им учительница читала в младшей школе. Там золото карлики вроде в пещерах хранили, в горах. Наверное, и в этой Южной Африке какие-нибудь горы есть. Но это ее уже не касается. Не ей же золото добывать! Главное, рядом будет любимый и не нужно ходить на работу. Заниматься бухгалтерией Любке уже сильно надоело.

Генка обычно был немногословный. С Любаней особо не делился. А тут как-то выбрал момент, когда Олега не было рядом, да и говорит:

– Я, Любаня, кое-что задумал. Только тебе говорю, как сестре своей единородной. И то только потому, что ты девка не из болтливых, молчать умеешь. Мы с мужиками хотим дельце одно провернуть, перегнать нашу добычу на юг и запарить там все оптом. Это наша законная заначка. Тогда я враз получу большие бабки. И тебе тоже перепадет. Мне только помощь твоя нужна. Этот твой хахаль Казачок – парень ушлый, как раз на юг скоро отправляется. Базлал, что у него есть надежные люди, они помогут там с охраной и прикрытием. Сопровождение нам не нужно, свои люди поедут, а там, на месте, знающие люди нужны. Разузнай у него, не треп ли это. И никому больше ни слова.

Любка рада была помочь и брату, и перед Казачком выслужиться. Представила, как тот обрадуется, что не зря на нее рассчитывал. Счастье само плыло ей в руки. Как она и ожидала, ее любовник разве что не плясал от радости, когда услышал про вагоны. Уж он ее тискал, услаждал всю ночь напролет, она иногда и дышать забывала. А он был неумолим и сладостно нежен. Любаня в его руках уже не вспоминала своего учителя музыки. А на ее осторожные расспросы он ласково посоветовал не забивать голову всякой мутотой. Это его геморрой, и он сам завтра забьет стрелку с Генкой. С ним же и перетрет тему. Любаша уже привыкла к тому, что язык Казачка ей не всегда понятен, хотя суть улавливала. И на этот раз поняла – это не ее ума дело.

На следующий день оставила она Генку с Олегом наедине решать их дела. Хоть и любопытство ее жутко разбирало, но нужно было идти на работу. Да и мужики подгоняли, хотели вдвоем остаться. Люба не дура – просекла, что у каждого из них свой интерес был в этом деле.

Казачок после разговора с Генкой как-то поспешно засобирался и, обнимая на прощание Любаню, пообещал, как каждый настоящий мужчина, что он непременно к ней вернется. Вот управится с делом – и весь ее. А Любка, как всякая женщина, размазывая слезы по щекам, свято верила каждому его слову. Уехал ее красавчик, сокол ее ясный, орел сизокрылый. Только месяц с ней и пробыл. И хоть девки ехидно поглядывали да посмеивались, потому что их портяночные мохнорылые мужики с ними остались, а ее писанный красавец отбыл в неизвестном направлении, Любка про себя посылала их куда подальше. Разве можно сравнить ее Казачка с этими сапогами?

Казачок, счастье ее, с каждой большой станции присылал телеграммы на адрес бухгалтерии. С одним коротким словом: «Люблю». Ух, как девок корежило, когда она в упоении зачитывала это слово! Да не раз и не два! Ей хотелось, чтобы весь мир знал, как ее любит ненаглядный. Немного отравила ей радость Мария Григорьевна, пожилая главный бухгалтер. Она каждый раз после коллективного чтения очередной телеграммы смотрела на нее недобрыми глазами и предостерегала, «как мать родная», чтобы Любка особо не радовалась. Те, кто много говорят о любви, чаще всего брешут. Попудрят мозги доверчивой дурехе, а потом смываются,

ищи-свищи их потом... Хорошо, если еще без последствий обходится. Словом, позавидовала Любаше. Понятное дело, ее старый хрыч Никодим Степаныч сроду слова ласкового жене не сказал. Как бирюк – приедет с приисков на пару дней и сидит сиднем на балконе, молча курит и плюет сверху вниз, со второго этажа, на прохожих. Такое у него развлечение.

По ночам Любаша ворочалась в постели, вдыхая запах подушки, на которой лежала голова Казачка. Решила не стирать наволочку, чтобы его запах постоянно был при ней. Жалко только, что со временем дух от волос любимого становился все слабее.

Через две недели вернулся с приисков Генка – озабоченный, деловой.

– Ну, сеструха, даст Бог, выгорит наше дело. Я тебя не забуду. Так что молись за меня. Через неделю еду на станцию с ребятами, поезд готовить к отходу. А Олег давал о себе знать? – вдруг вмешался он в ее личную жизнь, чего до сих пор никогда не делал.

Любка с торжествующей улыбкой протянула ему пачку телеграмм. Генка просмотрел их, особенно его интересовали места отправления, и удовлетворенно кивнул:

– Не сбрыхал Казачок.

Через неделю уехал и брат. Любане только и осталось, что дожидаться вестей. Маринка приходила к ней понурая и все каркала:

– Чует мое сердце, не к добру эта поездка!

– Да заткнись ты, наконец! – прикрикнула на нее Любаня. – Что ты понимаешь в их делах?!

Маринка обиделась и ушла. Вот муха, только одно ее беспокоит: как бы Генка с другой не загулял. «Дура безголовая», – думала с досадой Любаня. Своему любимому она верила безоговорочно. Тот, кто умеет так любить, бросить не может. Сколько уже раз говорил ей, что она единственная и неповторимая, и вообще – таких, как она, он не встречал. Любка даже зауважала себя после таких его слов. И в зеркало на себя теперь смотрела как бы со стороны, глазами Казачка, и находила, что очень симпатичная. Даже глаза стали больше и лучились голубым цветом, как у певицы Валерии...

5

Вокзал жил своей кипучей жизнью. Гул голосов, несмотря на позднее время, напоминал растревоженный улей. Прорва народу шлялась вокруг Турецкого, как в безумном броуновском движении. Подозрительные типы шныряли, что-то выискивая цепкими взглядами в толпе пассажиров с видом охотников, которые вышли на большой ночной промысел.

Турецкий стоял посередине зала под расписанием поездов, запрокинув голову, и зачарованно наблюдал, как на электронном табло время от времени начинали быстро мелькать буквы и цифры, ритмично пощелкивая металлическими страницами-пластинками. Информация постоянно менялась, и он старался вникнуть в содержание этих пляшущих строчек. Наконец плюнул на все попытки разобраться в них. Голова трещала, как будто он пил три дня без дыхания. Ныла ушибленная скула. Душа ныла еще больше. Было очень паршиво. Пол под ногами иногда начинал медленно уплывать, и он, пытаясь удержать равновесие, покачивался, ища точку опоры. На мраморной стене вокзала углядел расписание поездов, отпечатанное на большом листе бумаги, и радостно кинулся к нему, едва удержавшись на ногах. Сделав несколько шагов, уткнулся пальцем в расписание и облегченно вздохнул, пробормотав:

– Вот это я понимаю. Что нам нужно? Нам нужна стабильность. Нормальное стабильное расписание – буквы не прыгают, не бегают, с толку не сбивают. А то напридумывали. Нормальному человеку эту электронику не прочесть. Листают, листают... Как сумасшедшие.

Указательный палец уперся в расписание, и эта единственная точка опоры придавала некоторую уверенность. Турецкий испытывал потребность говорить, произносить вслух слова, чтобы не казаться себе таким одиноким и брошенным. О том, что все гады, он уже не думал. Заставил себя не думать. Ну их всех на фиг. Он теперь свободный человек и волен делать все, что заблагорассудится. Жены нет. Работы нет. Красота. Вот она – свобода. Езжай куда хочешь, делай что хочешь. Между прочим, недалеко стоит очень симпатичная девица. Глазками так и стреляет в его сторону. Интересно, куда она едет? Может, им по пути? А где ее вещи? Нет вещей. Или обокрали, или проститутка. Или начинающая бомжиха. Еще не успела поистрепать свою приличную одежду. Через плечо у нее болтается маленькая сумочка. Наверное, воровка. Руки свободны, чтобы легче было воровать. И ее на фиг.

Турецкий отвернулся от девицы и тут же забыл о ней. Палец скользил сверху вниз по расписанию, и он разговаривал сам с собой, приведя в легкое замешательство бабуся, которая остановилась рядом с ним, но тут же пошаркала дальше, смерив его подозрительным взглядом.

– ...Ахтубинск... Это Москва—Астрахань... – Он посмотрел на часы и с сожалением констатировал: – Час назад ушел... Следующий... Нет, этот не подходит. Дальше... Так. Грязнов... Уссурийск. Это у нас какой поезд? Сто шестнадцать... Москва—Владивосток... Далеко, это хорошо. Не поеду. А то он меня расспросами достанет.

Турецкий в другой руке держал блокнот и заглядывал в свои записи. Надо же! Сколько у него друзей разбросано по белому свету! И захочешь, всех объехать не успеешь. Да вот беда – со всеми же объясняться придется. Ладно, поехали дальше. Палец послушно заскользил вниз по гладкому стеклу, которое закрывало расписание.

– Владикавказ... Виолетта, Виолетта... Как давно все было это. Или как там? Я люблю тебя за это, и за это, и за то... Дальше забыл. Нет, я к тебе не поеду... Эту книгу мы уже читали. Роман был стремительный и бурный, есть что вспомнить... «Дэ»... Днепрпетровск... Никого... Донецк... Как там в песне поется? «Давно не бывал я в Донбассе...» И на кой он мне нужен? Это уже заграница. Не хочу я ни ближнего, ни дальнего зарубежья. Из дальнего только что вернулся, ужина нет, все пылью заросло, жена в загуле... Это нормально? Нет, братцы, это ненормально. Вот такие нынче женщины, а еще называют себя боевыми подругами! Ейный хахаль конкретно мне морду бьет, а она глазки распахнула, ротик открыла, смотрит, как будто

это ей представление. Даже прощения не попросила... Кисловодск... Неплохо бы... Водички попить, горным воздухом подышать, позагорать на зеленых склонах...

Сладкие мечты добровольного изгнанника разрушил раздраженный женский голос.

– Мужчина, вы здесь не один!

Турецкий оглянулся и расплылся в улыбке. Пожилая женщина сердито смотрела на него. Рядом стоял чемодан на колесиках, плечо оттягивала внушительных размеров дамская сумка, из пластикового пакета выглядывал длинный батон копченой колбасы. Какая приличная женщина. Только сердитая почему-то. Турецкий наклонился и поцеловал ей руку.

– Мадам, рад вас видеть. Как вы думаете, куда мне ехать?

Женщина почему-то никак не отреагировала на его джентльменское поведение, как будто привыкла к такому обходительному отношению со стороны всех встречных-поперечных пассажиров. Ни радостного блеска в глазах, ни благодарной улыбки. Наоборот, отдернула руку, словно ее коснулись губы прокаженного. Даже обидно как-то.

– Мне все равно... Езжайте куда хотите... – сухо бросила она и бесцеремонно отодвинула его своим нехилым плечом, отвоевывая свое законное место у расписания.

– Как вы правы, мадам... Мне тоже абсолютно все равно, куда ехать. И чего это я голову ломаю? Спасибо за идею! – Он раскланялся и неуверенной походкой отправился к кассе. Дама брезгливо оглянулась ему вслед.

Симпатичная блондинка в окошке кассы выжидающе смотрела на очередного пассажира. Турецкий изобразил на лице самую обаятельную улыбку и едва удержался, чтобы не подмигнуть. Беспочинное веселье почему-то подняло его настроение. А почему, собственно, беспочинное? Разве ветер свободы не дует в его лицо? Разве не ждут его незнакомые города и новая жизнь?

– Мне, пожалуйста, билет на ближайший поезд, – проникновенно произнес он, согнувшись в три погибели и приблизив лицо к окошку, чтобы кассир прониклась всей серьезностью его намерения.

– Можете так не наклоняться. Говорите в микрофон, – улыбнулась она ему.

– Я уже все сказал... – нежно проворковал Турецкий, посылая взглядом всю свою нежность, на какую был способен в эту минуту.

Наверное, смена милой кассирши только что началась, она еще не успела устать и поэтому была приветливой и предупредительной. «А может, у нее просто хороший характер», – подумал Турецкий.

– Вы не сказали, на какой поезд.

– Да на любой. Куда угодно. Только поскорее.

– Вам все-таки нужно решить, куда вы собрались ехать, – улыбнулась она опять.

– А вы ткните пальцем в компьютер. Куда попадете, туда и поеду. Считайте, что моя судьба в ваших руках.

Где-то над головой прозвучала мелодичная музыка, и голос из репродуктора провозгласил:

– Вниманию пассажиров. Объявляется посадка на скорый поезд номер тридцать девять Москва—Новороссийск. Отправление в двадцать три часа сорок пять минут со второго пути. Нумерация вагонов...

– Голос судьбы распорядился, чтобы я поехал поездом номер тридцать девять! – Турецкий не удержался и все-таки подмигнул кассирше. Вопреки опасениям, она улыбнулась в ответ.

– С вами все ясно. Давайте паспорт.

– А я его оставил в камере хранения. Я вам так продиктую... Щеткин Петр Ильич, шестьдесят четвертого года.

– Год рождения не надо. Диктуйте номер паспорта.

– Сорок пять ноль шесть... М-м-м... сорок, тридцать... Семьдесят три.

Получив билет, Турецкий отошел от кассы, разговаривая сам с собой:

– Хрен вы все меня найдете... Начинаю новую жизнь с чистой страницы. Спасибо тебе, Петя, что ты есть на свете. – Турецкий тихо засмеялся. – Теперь я не «важняк». Я теперь поэт-путешественник. И мой дилижанс отправляется со второго пути.

6

В городе Кропоткине срочно пришлось выходить. Поезд помчался дальше, на Тихорецкую, где Олега Куренного поджидал кореш. Но когда у тебя под ногами буквально горит земля, лучше судьбу не испытывать. Куренной это усвоил уже давно, поэтому и попался в своей жизни только однажды. После чего извлек ценный урок – уходить надо всегда вовремя.

Он вышел в ночь на освещенную электрическими огнями станцию, где так легко можно было затеряться среди сотен людей. Человеческий муравейник оккупировал железнодорожный узел, словно пассажиры единодушно взялись за решение важной задачи – увеличить плотность населения города по максимуму. На платформе на деревянных скамейках сидели, спали, жевали, травили анекдоты, парни приставали к девушкам, дети носились стайками под испуганные окрики родителей. Время от времени из динамика мелодичный женский голос объявлял то прибытие, то отправление поездов. Кропоткин Куренной любил за его неиссякаемое многолюдие и ненавидел за колготню и неустроенность. В Кропоткине прямо на платформе усатые кавказцы жарили отличные шашлыки, и на их запах стекался голодный народ, следующий транзитом согласно купленным билетам. Тут же, стоя за высокими столиками, сочные дымящиеся шашлыки поедали, запивая пивом или минеральной водой.

Можно спокойно передохнуть. Внутренний карман пиджака приятно вздулся от пачки купюр. Интересно, сколько там? Наверное, много.

Знакомство в вагоне-ресторане с мужиком с толстой самодовольной ряхой, назвавшимся Лехой, оказалось очень полезным. И плодотворным. Началось оно, как обычно бывает в дороге, легко и непринужденно. Сначала пили из бутылки, которая стояла перед Лехой, уже наполовину опустошенная. Потом Куренной заказал еще пол-литровую бутылочку красnodарской водки, щедро подливая новому знакомому. Уж Куренной на этом собаку съел – в его деле главное не скупиться. Он внимательно слушал захмелевшего собеседника, который сочным языком, сдобренным матерными выражениями, описывал свои трудовые подвиги на золотых приисках. И даже если он и привирал, стараясь произвести впечатление на компанейского собутыльника, Куренной поддакивал, всячески поощряя мордovorота к откровенному разговору. Сам он представился удачливым мелким предпринимателем, который снабжает Тихорецк деликатесом под названием «крабовые палочки» и наваривает на этом вполне приличные деньги. Ну, не такие, конечно, как некоторые старатели, но хватает и на жизнь, и на развитие бизнеса, и на клевых телок. Леху особенно заинтересовали телки, видать, сильно соскучился по женской ласке, и он все порывался изменить свой маршрут и сойти с новым дружбаном в Тихорецке, чтобы приобщиться к плотским радостям. Взамен обещал взять его с собой на прииски, когда будет возвращаться из отпуска. Куренной тоже пообещал исполнить заветное желание истосковавшегося золотоискателя, а тем временем подпаивал его, пока тот и не уснул мертвецким сном прямо за столом, опустив свою кудрявую головушку в грязную тарелку с куриными объедками. Облегчить карманы сладко спавшего и мечтающего о любовных утехх Лехи не составило особого труда. Убирая из-под Лехиной морды грязную тарелку, он незаметно нащупал у того за пазухой солидную пачку денег. Куренной заслониЛ Леху своим плечом и виртуозно вытащил ее, мгновенно засунув в свой внутренний карман.

Куренной не торопился бы так сойти с поезда, если бы не встретился взглядом с глазами-буравчиками какого-то хмыря, который сидел через столик. Вид у того был слегка потрепанный, пиджак явно с чужого плеча. Во рту в два ряда сверкали металлические зубы. На пальцах многочисленные наколки. Глубокие морщины на лице и особая бледность выдавали в нем человека, который несколько лет не видел солнца. Олег сразу смекнул, откуда явился этот кадр. Пора было сваливать. Куренной привольно развалился на стуле с рюмкой в руке и не спешил действовать, поезд стоял на станции двадцать минут. Наконец, дождался, когда объ-

явили отправление, поезд дернулся, собираясь тронуться в путь, и быстро выскочил из вагона-ресторана в тамбур. Проводница собиралась уже закрывать дверь и отругала его за то, что выскакивает чуть ли не на ходу. Вот что алкоголь с людьми делает – последнюю память отшибает. Надо же так напиться, чтобы в последнюю секунду вспомнить, что нужно выходить. А ей потом отвечать, если он под колеса угодит. Все это она успела выкрикнуть ему в спину, пока он спрыгивал со ступенек. Но прыткий Куренной уже стоял на перроне и посылал проводнице воздушный поцелуй. К окну припал хмырь с алчным выражением на лице. Поезд медленно проплывал мимо Олега, и он усмехнулся и этому бывшему крепостному, но лишь уголками губ. Даже в случае полной безопасности лучше не играть с судьбой. Жизнь длинная, мир тесен, слой тонок – никогда не знаешь, где пересечешься с человеком.

А вот шашлыки Олег решил купить на деньги, которые держал в другом кармане, заботливо зашпиленном булавкой, как мать его учила, когда отправляла учиться в строительное училище лет десять назад. Он отстегнул булавку, вытащил пятисотрублевую купюру. Шашлыков хотелось съесть сразу три шампура. Хотя толстомордый золотоискатель щедро предлагал «откушать, что Бог послал», Куренному кусок в горло не лез, когда он чувствовал близкую добычу. Все-таки нервы у него стали ни к черту. А как иначе, если работа такая нервная? Все просчитать нужно, все учесть. И главное, действовать так, чтобы никто случайно не заметил его манипуляций над вусмерть пьяным «корешем», когда нужно было изобразить искреннее беспокойство и дружескую заботу. Да еще будить так, чтобы тот на самом деле не проснулся, а только мычал что-то в беспамятстве, позволяя вертеть собой как угодно, чтобы новому приятелю посподручнее было нащупать его бумажник. По большей части такие лохи особо не парились, держали бумажник во внутреннем кармане пиджака. Несколько раз Куренной нащупывал у своих «клиентов» тайник на груди, под рубашкой, в мешочке на веревочке. Как говорится – подальше положишь, поближе найдешь. На это и рассчитывали посетители вагона-ресторана, да только не приходило им в голову, что на их пути встретится такой веселый и обаятельный попутчик с искренней улыбкой на лице и ловкими руками. У них хватало ума только на то, чтобы не оставлять деньги в своем купе. Боялись. И правильно, мало ли кто попутчиком окажется... В этом деле Куренной был мастак, не вчера родился, но никогда не обольщался – проколы бывают у всех, даже у самых опытных.

У мангала выстроилась небольшая очередь. Куренной быстрым взглядом определил, что стоять осталось недолго. Шашлыки уже скворчали и манили своими золотистыми боками, источая восхитительный аромат. Перед ним стояла семья, и женщина лет сорока пяти уговаривала дочку поесть, а та с кислым выражением лица держалась за щеку. «Зуб болит», – подумал с сочувствием Куренной. Зато ее младший брат жадно смотрел на шашлыки и непроизвольно облизывался. Девочка все-таки с уговорами шашлык взяла. Семья отошла в сторону к освободившемуся столику. Куренной посмотрел им вслед, оценивающим взглядом окинув девочку. Ничего цыпочка, на вид лет четырнадцать, а грудь уже как у совсем взрослой девахи. И глаза красивые, большие, их даже не портит страдальческий вид слегка перекошенного от боли лица. Да, девчонка очень симпатичная.

Получив свои шашлыки, Олег пристроился за соседним столиком. Он жадно набросился на мясо, но своих соседей из вида не выпускал, бросая быстрые взгляды на девочку. Она держала в руках материну сумку и обиженно смотрела на родственников, которые с наслаждением впились в шашлыки. К своему девочка так и не прикоснулась. Видно, зуб ее совсем замучил. Мамаша увлеченно жевала, слизывая с губ жирный сок, и поглядывала по сторонам. Заметила, как на ее драгоценную дочечку глазеет подозрительный тип за соседним столиком. Чем-то он ей не понравился, и женщина оторвалась от шашлыка, тихо сказав что-то дочери. Девочка обеими руками крепче обняла сумку, бросив неприязненный взгляд на Куренного. Тот обезоруживающе улыбнулся, и она удивленно вытаращилась на него. Мать тут же дернула ее за руку, строго нахмутив брови, и стала сердито выговаривать. До Олега донеслись ее слова:

«Нечего глазами стрелять. Так и стреляешь, никакой скромности!» Девчонка насупилась, опустила глаза и стала оправдываться. Картинка из жизни станции Кавказская, которую мало кто из приезжих знает, как город Кропоткин.

Куренной доел свои шашлыки и, бросив прощальный взгляд на девочку, зашел в помещение вокзала. Шум, ор, толкотня и скандалы у билетных касс, цыгане вопят, их дети скачут по узлам и верещат, одним словом – светопреставление. Молодая парочка бомжей пристроилась на деревянной неудобной скамье, спят и в ус не дуют. Ничего не боятся, у них и красть нечего. Давно не мытая девка с пузом, уже совсем на сносях, бесстыдно раскинула ноги, пристроившись под боком у своего такого же омерзительно грязного спутника. Олега аж передернуло от отвращения. Была б его воля, он бы всех бомжей поселил в отдельную деревню за высокий забор, чтобы их духу не было в приличных местах. Никакой пользы от них, один только смрад... Народ, как ни странно, не бунтует и не скандалит. На всякий случай отодвинулись от спящих подальше. Бомж нежно обнимал свою подружку за плечи, берег ее сон и еще не родившегося маленького бомжонка. А вот и родная милиция пожаловала, да прямым ходом к бомжам. Растолкала их, те едва разлепили глаза и сонно слушали внушение, потом нехотя встали и поплелись на улицу. Рядом с вокзалом, за выходом в город, Куренной знал – симпатичный скверик, где можно было поспать на скамейках. Наверное, туда они и направились коротать ночь. Если еще найдут куда пристроиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.